

УДК 81-13

Е.В. Иванцова**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ
ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ***

Рассматриваются методологические проблемы новой области языкознания – лингвоперсонологии, изучающей феномен языковой личности: выбор объекта исследования, формирующиеся методы сбора и анализа материала.

Ключевые слова: лингвоперсонология, языковая личность, методы.

Вопрос о методологии новой области научного знания, изучающей феномен языковой личности (далее ЯЛ), пока остается «белым пятном» в ее теоретической сфере. Работы, посвященные этой проблеме, очень немногочисленны, не сформирован круг методов данной области знания, отсутствует их единая трактовка и систематическое описание.

Методологические трудности изучения индивидуальной речи достаточно отчетливо осознаются в науке. Обобщая имеющиеся по этому поводу наблюдения В. Гумбольдта, Э. Сепира, В.П. Тимофеева, О.Б. Сиротининой и др., обозначим главные из них.

1. Выбор исследуемого объекта. Как отмечает В.П. Тимофеев, «...в настоящем личности бесчисленны, ибо они беспрестанно воспроизводятся, а из прошлого избранной может быть только пишущая личность, после которой осталось какое-либо документальное речевое наследие, причем и таких личностей может оказаться тоже значительное множество» [1. С. 7].

2. Сбор материала. На этом этапе исследователь сталкивается с целым рядом трудностей. Одной из них является сложность исследования индивидуальной речи «в силу специфически мимолетного ее характера» [2. С. 297]. «Затрудняет исследование языка личности и невозможность организовать сплошное наблюдение, так как не все речевые ситуации личности (следовательно, не все жанры и акты речи) являются широко общественными...» [1. С. 8]. Чрезвычайно трудоемкой задачей является запись естественных, непринужденных текстов в условиях контакта собирателя с представителями сообществ, членом которых он не является (их круг широк – от носителей иных форм национального языка и представителей иных профессий до семейных коллективов), и в ситуации открытой фиксации речи. Дополнительные проблемы при изучении избранного объекта создает постоянное развитие личности. «Полное изучение языка личности должно быть поэтому только историческим», однако для выполнения такой задачи период исследования должен превышать время жизни индивида [1. С. 7–8].

3. Анализ материала. Осложняет выбор методов многогранность объекта исследования, трудности в разграничении социальных и индивидуальных

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 08-04-64403 а/Т (проект «Феномен региональной языковой личности: русский старожил Сибири»).

детерминант речи [2. С. 297], слишком большое количество факторов, влияющих на речь индивида [3. С. 6]. Нелегко также «...избежать одной из двух ошибок: построения слишком неопределенного и обобщенного, либо же слишком абстрактного представления об индивидууме. <...> В действительности исследователи человека чаще всего бывают либо слишком эмпиричны, либо слишком спекулятивны» [4. С. 319, 335].

Как же решаются эти методологические проблемы в практике современных исследований ЯЛ? Каковы пути преодоления обозначенных трудностей? Цель статьи – поиск ответа на эти вопросы.

1. В настоящее время в связи с разной трактовкой исходного понятия «языковая личность» **виды объектов** исследования достаточно разнородны. Это так называемые модельные ЯЛ – конструкты, формируемые исследователем на основе дискурса персонажа художественного произведения, «коллективные ЯЛ» той или иной социолингвистической группы и реальные ЯЛ. Выбор объекта в пределах каждой из групп обусловлен прежде всего представлением исследователя о его типичности для социума. Еще В.П. Тимофеев отмечал, что «...изучать следует все-таки типическую личность, то есть такую, в которой больше индивидуальных черт, имеющих *общественное значение*» [1. С. 7]. При обращении к модельной ЯЛ определение объекта связано также с авторитетностью писателя (в большинстве случаев в поле зрения лингвистов попадают произведения писателей-классиков: Б. Шоу, Ч. Диккенса, Ф.М. Достоевского...) и с достаточно репрезентативным объемом анализируемого материала, хотя эти тенденции и не всегда прослеживаются явно.

Как можно судить по имеющимся работам, выбор реальной ЯЛ прошлого определяется прежде всего масштабностью личности. Для изучения избираются не столько типичные, сколько выдающиеся индивидуумы с творческой натурой, внесшие свой вклад в преобразование национального языка, культуры и общества в целом: правители, выдающиеся ученые, писатели и общественные деятели (Иван Грозный, Петр I, М.В. Ломоносов, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин и др.). Учитывается и характер письменного наследия: чаще всего привлекают внимание лингвистов личности, в архиве которых остались не только художественные, но и эпистолярные, дневниковые тексты.

При обращении к ЯЛ наших дней обычно рассматривается личность, имеющая типические для социума черты и в то же время обладающая яркой индивидуальностью (так, «Опыт описания языковой личности А.А. Реформатского» [5. С. 149–212] отражает оба этих ракурса речевого портрета). Меняется и характер дополнительных условий выбора. Определяющей в этом случае становится возможность получения данных о речевой деятельности индивида. Наиболее доступной для наблюдения является сфера профессиональной публичной речи; не случайно поэтому в качестве объекта наблюдения выступают тележурналисты (Л. Якубович, В. Пельш, Т. Миткова, А. Гурнов...), политики (Г. Явлинский, Б. Немцов, Г. Зюганов...), вузовские преподаватели (К.И. Бендер, О.Б. Сиротинина...). Личность в повседневном бытовом общении – самый труднодоступный объект, в связи с этим наблюдение нередко осуществляется над родственниками (Е.М. Тимофеева,

В.И. Петухова). При выборе информантов из неродственной среды избираются в первую очередь общительные, легко идущие на контакт.

II. Трактовка ЯЛ как феномена, синтезирующего собственно личностные и языковые характеристики, ставит задачу *сбора материала*, отражающего обе стороны изучаемого объекта.

При обращении к модельной ЯЛ объем материала определяется исключительно содержанием привлекаемого художественного текста. Сложнее обстоит дело с получением данных о реальной ЯЛ.

При изучении ЯЛ прошлого сбор языковых фактов не вызывает особых проблем; он заключается в сплошной или ограниченной какими-либо условиями выборке исследуемых единиц анализа. Вместе с тем в этом случае недоступной для непосредственного наблюдения является и сфера устной речи индивида, и его «внеязыковая составляющая»; возможно лишь извлечение некоторых данных из мемуарных источников, исторических документов и частных документов самого индивида.

Объем и характер сведений о современной ЯЛ определяется степенью близости исследователя к избранному объекту. При непосредственном общении возможно как прямое наблюдение над личностными характеристиками информанта, его образом жизни, поступками, кругом общения и т.д., так и сбор материала всех видов речи; в остальных случаях вероятно только привлечение данных из косвенных источников, прежде всего СМИ.

Таким образом, наименее трудоемкой является процедура сбора информации о ЯЛ с опорой на ее письменный дискурс или его имитацию, однако полученные в этом случае данные недостаточны для всесторонней характеристики исследуемого объекта и требуют разработки методов реконструкции его внеязыкового компонента. Наиболее разносторонние и полные сведения о различных сторонах феномена ЯЛ дает непосредственное наблюдение, но при этом весьма сложной задачей является фиксация речи информанта в естественных условиях общения.

Остановимся подробнее на методике записи спонтанной речи индивида.

В настоящее время выработано несколько методик сбора речевого материала.

Одна из них, получившая название *непрерывное наблюдение*, была применена впервые в середине XX в. японскими лингвистами в рамках разрабатываемой ими теории языкового существования. Объектами проведенного в Японии обследования стали представители наиболее широких слоев населения страны. Сбор материала был основан на последовательной регистрации речи конкретных говорящих в течение суток. Регистрировались непрерывно все действия, кроме сна. Фиксация речи велась вдвоем, в комплексе ручных, магнитофонных и стенографических записей; исследователи с испытуемыми не разговаривали. Целью обследования было изучение того, сколько времени тратится в день на чтение, писание, говорение, слушание, что читали, писали, говорили, слушали, сколько тем было затронуто в разговоре, из скольких речевых единиц состояло говорение, «количество речи» в единицу времени, наиболее частые слова, размер речевых единиц и др. В результате уже первых опытов обследования лингвисты получили интересные данные о соотношении различных видов речевой деятельности и жанров речи, количестве

употребляемых слов, их частотных характеристиках и др. В качестве недостатков использованной методики были отмечены закрытость отдельных тем и ситуаций общения (семейные ссоры, разговоры о деньгах и т.п.) для стороннего наблюдателя [6]. Обратим внимание на то, что роль лингвистов сводится в данном случае только к наблюдению и беспристрастной фиксации речи информантов: языковые контакты не предполагаются. В наши дни применявшийся ранее способ фиксации речи трансформировался в самозапись: по данным Ю.В. Рождественского, обследованию в Японии ежегодно подвергаются 200 тыс. добровольцев, записывающих все свои речевые действия в течение суток на магнитофон [7. С. 86].

В России этот вид методики не получил широкого распространения. Лишь в работе Т.И. Ерофеевой [8] предпринята попытка описания одного дня жизни индивида в аспекте языковых ситуаций и выполняемых им социальных ролей. Хотя принципы сбора материала в этой статье не оговариваются, можно предположить, что они близки к рассмотренным выше.

В отечественной практике записи речи конкретных ЯЛ используется другой вариант получения данных, имеющий ряд вариантов названий: «долговременное панельное наблюдение», «соучастие» (В.П. Тимофеев), «лонгитюдное наблюдение» (Н.И. Ленская), «включение в языковое существование говорящего» (Н.И. Конрад; Т.С. Коготкова), «сосуществование» (И.А. Оссовецкий), «включенное наблюдение» (Л.П. Крысин; В.Д. Лютикова). В терминах «долговременное / лонгитюдное» наблюдение» акцентируется длительность и систематичность наблюдения над объектом, в остальных – особые взаимоотношения исследователя и объекта исследования. Несмотря на различие во внутренней форме тех и других терминообозначений, по сути они близки: установление тесных отношений невозможно без регулярного и долговременного общения, и наоборот. Наиболее точно суть метода отражает наименование «включение в языковое существование говорящего». В нем обозначен как объект лингвоперсонологического наблюдения, так и главное условие, позволяющее получить максимально приближенные к естественным текстам – «слияние» лингвиста с языковой средой исследуемой личности. Т.С. Коготкова определяет метод включения в языковое существование говорящего как базирующийся на двух связанных между собой основаниях: психологической контактности между исследователем и информантом и долговременности сроков наблюдения [9. С. 287]. Именно эти условия отражают идеальные требования к фиксации речи индивида.

Л.П. Крысин говорит о том, что включенное наблюдение, позволяющее изучать речь той или иной общности «изнутри», возможно при изучении городского населения. В то же время он отрицает результативность использования данного метода в диалектологии: «...диалектолог, как бы ни приспособлялся он к нормам поведения носителей диалекта, всегда остается для них чужаком» [10. С. 262–263]. Однако все имеющиеся монографические исследования конкретных ЯЛ (Е.М. Тимофеевой, А.Г. Горшковой, В.М. Петуховой, В.П. Вершининой) в бытовом повседневном общении осуществлены именно диалектологами, успешно применившими включенное наблюдение на практике. Конечно, немаловажным фактором в исследовании

ях В.П. Тимофеева и В.Д. Лютиковой явилось наличие родственных связей между информантами и лингвистами, но их отсутствие, как оказалось, может быть компенсировано доверительными отношениями ЯЛ с собирателями. Отметим кстати, что пока ни одной работы такого рода на литературном материале не появилось – несмотря на то, что в этом случае «дистанция» между собирателем и носителем языка существенно короче. В целом, видимо, следует считать метод «включения в языковое существование говорящего» («включенного наблюдения», «соучастия») универсальным для изучения ЯЛ любого типа. Длительный непосредственный контакт исследователя с ЯЛ позволяет накапливать не только речевой материал, но и сведения об изучаемой личности в целом – ее биографии, мировоззрении, характере общения с окружающими, поступках и др., составляя впечатление об анализируемом объекте в единстве его языковой и внеязыковой ипостасей.

Опыт применения рассматриваемого метода в Томской диалектологической школе позволил сделать следующие выводы. Установление близких отношений с информантом предполагает постоянное общение, взаимное знакомство собирателя и информанта с биографией, образом жизни, интересами, кругом знакомых и родственников; семейные контакты, совместную трудовую деятельность и / или отдых; хотя бы эпизодическое совместное проживание. Запись спонтанной речи в ситуации, приближенной к естественной, подразумевает минимальное вмешательство лингвистов в процесс непринужденного общения. Особую ценность представляют речевые ситуации, когда исследуемая ЯЛ беседует с лицами, входящими в обычный круг ее контактов, – родственниками, знакомыми, друзьями, представителями социальной и языковой среды, членом которой является говорящий. В этих случаях лингвисты должны стараться не вступать в разговор, а при вовлеченности в диалог или полилог не задавать лингвистических вопросов, поддерживая его как рядовые участники. При контактах собирателя и информанта без посторонних на первый план также выдвигается личностное общение, а не прагматическая задача сбора языкового материала. Лингвистические вопросы (в случае необходимости их постановки) могут представлять собой лишь минимальные вкрапления в текст естественной речи и по возможности тематически связываться с основным ходом беседы, не составляя цельных блоков в виде серий. При любой негативной реакции информанта опрос необходимо прекратить. Важным моментом является выбор характера записи. Обязательно принципиальное согласие исследуемого на фиксацию своей речи. В то же время условия записи следует организовать так, чтобы говорящий не был сосредоточен на процессе этой фиксации. До недавнего времени выполнение этого условия было особенно сложным. Запись от руки, применявшаяся ранее, несовершенна как инструмент сохранения звучащей речи. К тому же она (как, впрочем, и использование техники) неизбежно привлекает внимание информанта к самому факту записывания. Скрытая запись была практически невозможной вследствие громоздкости аппаратуры, к тому же использование таких приемов сбора материала без ведома говорящего не соответствует этическим нормам. Томскими диалектологами магнитофонная запись велась открытым способом, однако собиратели стремились сделать ее максимально комфортной для информанта даже в ущерб

техническим качествам: магнитофон размещался вне поля зрения говорящего, диалектологи пользовались только встроенным микрофоном. С внедрением в экспедиционную работу более совершенной техники решение этих задач упрощается.

Данный метод позволяет получить информацию о наиболее личностной форме реализации языковой способности индивида, изучить «жизнь языка» не в лабораторных условиях, а в естественном общении, что обеспечивает высокую степень достоверности выводов. К достоинствам метода следует отнести высокую степень универсальности (его применение возможно по отношению ко всем типам современных ЯЛ разного возраста, пола и социального статуса и типа речевой культуры), к недостаткам – трудоемкость использования.

Основной метод сбора материала может дополняться традиционными приемами *наблюдения* (не содержащего компонента «соучастия»), *прямого опроса*, *лингвистического интервьюирования*, *тестирования* [1. С. 8]. Метод прямого опроса В.П. Тимофеев и его ученики применяли при выявлении количественного объема лексикона; использованный ими вариант этого метода квалифицируется как метод «ассоциативного стимула» [1. С. 65]. Лингвистическое интервью отличается от опроса тем, что исследователь направляет беседу с информантом в нужное русло, чтобы спровоцировать употребление интересующих его языковых единиц. Внимание собеседника направлено в этом случае на содержание беседы, а не на ее форму [11. С. 83].

В отдельных работах при изучения ЯЛ упоминается также анкетирование, однако в реальной практике исследования отдельных индивидов оно встречается редко. Так, М.В. Панов [12] использовал орфоэпическую анкету при выявлении произносительных норм А.А. Реформатского. В целом применение анкет более целесообразно при изучении «коллективной ЯЛ».

В исследованиях конкретных ЯЛ имеют место и принципиально иные подходы к сбору материала. Это разного рода *экспериментальные методы*, ориентированные на получение интересующих лингвистов данных от носителей литературного языка.

Востребованным является *ассоциативный эксперимент*. Еще в 60-е гг. XX в. киевские психологи В.С. Старинец, К.Г. Агабабян и Г.И. Недялкова применили этот метод для выделения ядра лексикона одного взрослого носителя русского языка. Эксперимент проводился в течение полугода через день; каждый раз испытуемому предъявлялось 50 слов из словаря, он должен был ответить первой ассоциацией. Было обследовано 20 000 слов и связей между ними. Оказалось, что максимальное число связей имеют слова, представляющие особое значение для испытуемого как для личности [13. С. 6–20]. Позднее аналогичный эксперимент был проведен московскими лингвистами. Более 8000 стимулов предъявлялись мужчине 28 лет, с высшим техническим образованием; частотный словарь реакций отразил индивидуальные предпочтения говорящего [14].

Другая разновидность экспериментального метода предполагает *создание испытуемыми текстов* или выполнение заданий, дающих информацию об индивидуальных особенностях их речи. Эксперименты такого типа применялись, например, Н.В. Аниськиной [15]. Участники экспериментов

создавали письменные и устные тексты разных стилей и жанров (сочинения, изложения, литературные произведения, пересказ текста, подготовленный монолог, перевод текста с древнерусского на современный русский язык), послужившие материалом для дальнейшего анализа. Разнообразные задания по преобразованию исходного текста широко использовались авторами коллективной монографии «Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение» [16].

Экспериментальные способы получения материала дают возможность относительно быстрого получения целенаправленно сгруппированных данных по интересующей лингвиста проблеме. Однако они имеют много ограничений: их применение затруднительно в среде носителей устных форм речевой культуры (диалекты, городское просторечие, жаргоны), анкетирование и эксперименты по созданию письменных текстов не могут быть использованы при исследовании детей младшего возраста или малограмотных; многие виды заданий предполагают опору на высокоразвитое языковое сознание испытуемых. Характер полученных сведений существенно зависит от формулировки задач эксперимента и условий его проведения.

III. Что касается **методов исследования**, то на данном этапе развития лингвоперсонология опирается на традиционные общенаучные и собственно лингвистические способы анализа исследуемого объекта, заимствует их из смежных с языкознанием дисциплин и отдельных частных областей лингвистики, приспособлявая к изучению новой области научного знания, и вместе с тем формирует свои специфические методы.

В методологическом плане встает вопрос о логическом пути анализа. Определяя основную траекторию лингвоперсонологического исследования, лингвисты, как правило, говорят о преимуществах *индуктивного подхода* от текста к автору, от конкретного к абстрактному, однако при описании «коллективной ЯЛ» встречается и *дедуктивный подход*.

При исследовании реальных ЯЛ распространенным является активно используемый в лингвистике *описательный метод (метод научного описания)*, заключающийся «в планомерной инвентаризации единиц языка и объяснении особенностей их строения и функционирования» [17. С. 233]. В качестве основного он называется, например, в диссертационных работах С.В. Курпиной «Устная и письменная монологическая речь одного лица» (Саратов, 1998) и В.Я. Парсамовой «Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана)» (Саратов, 2004)**.

Широко внедряется в лингвоперсонологические изыскания последних лет выделившийся как самостоятельный метод лингвистики *лексикографический метод*, заключающийся в представлении разнообразных свойств языковых единиц посредством упорядоченной определенным образом системы словарных статей. Об этом свидетельствует издание большого количества словарей, отражающих речь писателей, политиков и рядовых говорящих. Назовём в качестве примера «Словарь языка Достоевского: Лексический

** Здесь и далее в связи с ограниченным объемом статьи ссылки на работы, связанные с тем или иным методом, являются иллюстративными, а не представляют собой их исчерпывающий перечень.

строй идиолекта» (Вып. 1. М., 2001), «Словарь языка Александра Лебеда» Л.Г. Самогик (Красноярск, 2004) и «Полный словарь диалектной языковой личности» (Т. 1, 2. Томск, 2006–2007).

Для выявления черт индивидуального стиля (в частности, с целью определения авторства текстов) применяются также *методы математической лингвистики*. В.А. Байтов и Ю.А. Сорокин называют основной метод атрибуции текстов методом анализа формальных характеристик текста [18]. В этом случае анализируется средняя длина предложения в словоупотреблениях; отношение слов каждой части речи к общему числу словоупотреблений; среднеквадратичное отклонение длины предложений, соотношение длины текста в незначительных словоупотреблениях и его общей длины, именных и глагольных сказуемых, длины текста и количества предложений, длины текста и объема словаря, доли сложных предложений, числа повторений знаменательных и незначительных слов и др. Используя данный метод, А.В. Синелева путем сопоставления по 71 параметру тексты известных романов В. Набокова и приписываемого ему «Романа с кокаином» опровергла распространенную гипотезу об авторстве последнего [19].

Ограниченность данного метода в том, что его применение возможно только для текстов объемом в несколько тысяч единиц. Для текстов меньшего объема В.И. Байтов и Ю.А. Сорокин [18] предложили дополнить объективный анализ подключением оценщиков. Примененный ими *метод семантического дифференциала* предполагает оценку экспертами коннотативного значения текста по шкалам «энергичный – спокойный», «пышный – строгий», «эмоциональный – рациональный», «резкий – нежный» и т.д.

Формируются специфические методы лингвоперсонологии.

Основы *метода структурного моделирования* были заложены Ю.Н. Карауловым в монографии «Русский язык и языковая личность». Он исходит из нескольких посылок: 1) «практически языковая личность – это такой объект, который может быть исследован только на моделях» [20. С. 237]; 2) структура ЯЛ предполагает последовательное описание ее лексикона, тезауруса и прагматикона; 3) наибольший интерес для изучения феномена ЯЛ представляют недоступные для непосредственного наблюдения высшие уровни структуры – тезаурус и прагматикон; 4) в связи с недоступностью для исследования реального текстового массива (у выдающихся деятелей прошлого он ограничен сохранившимися письменными текстами, главным образом беллетристическими, а у рядовых носителей языка вообще не зафиксирован) источником реконструкции ЯЛ может быть речь персонажей художественного произведения. Автор демонстрирует применение данного метода, опираясь на дискурс двух главных действующих лиц повести Д. Гранина «Картина».

Заявленная принципиальная возможность изучать ЯЛ, моделируя ее через речь литературных героев, нашла широкое применение в целом ряде работ. Так, в монографии Л.Н. Чуриловой [21] анализируется ЯЛ Петра Верховенского из романа Достоевского «Бесы», а в диссертации З.А. Кузневич [22] – ЯЛ Томаса Хадсона из романа Хемингуэя «Острова в океане»; и в том и в другом случае выводы относительно персонажей проецируются на ЯЛ писателей.

Идея описания ЯЛ как иерархически организованной уровневой структуры представляется весьма плодотворной и заслуживающей развития, хотя сам автор признает сложности разграничения тесно переплетающихся уровней в практике анализа языкового материала. Вместе с тем встает вопрос о правомерности моделирования реальных индивидов на основе художественных текстов. «На модели можно воспроизводить и изучать многие объекты, прямой эксперимент над которыми затруднителен, экономически невыгоден или вообще невозможен из-за их большой сложности, значительных или исключительно малых размеров, чрезвычайно большой длительности или же... кратковременности их существования» [23. С. 126]. Является ли ЯЛ объектом, соответствующим этим характеристикам? Как представляется, нет. Еще более существенная проблема – репрезентативность данных, полученных на основе таких источников. Насколько полученная модель соотносима с реальными носителями языка и их типами, представленными в естественной языковой коммуникации, каков коэффициент погрешности, который должен учитываться при соотнесении художественного текста с живой речью, – вопрос открытый. Сложность сбора фактов естественной речи, на наш взгляд, сторицей окупается достоверностью данных, полученных при их анализе.

При обращении к ЯЛ, доступной только по ее письменному наследию, В.В. Дружининой и А.А. Ворожбитовой предложена методика *лингвориторической реконструкции* уровневых характеристик ЯЛ, специфики менталитета и идиостиля, которая предполагает «первичную реконструкцию» на основе текстового массива ЯЛ и ее самохарактеристик в письмах, дневниках, интервью и «вторичную реконструкцию» на базе исследовательских работ, свидетельств коллег и близких [24. С. 10].

Элементы «первичной реконструкции» содержит так называемый *биографический метод*, заимствованный из литературоведения. Как отмечает Л.П. Крысин, он возможен для пишущей ЯЛ и заключается в анализе личностных письменных документов: писем, дневников, рукописных альбомов, редакционных текстов и художественных произведений с целью получения из них социологических данных о субъекте [11. С. 83]. Применив этот метод при исследовании поэтических и прозаических текстов С. Есенина, В.П. Тимофеев пришёл к выводу, что «по словарю языка Есенина можно судить о жизненной и творческой биографии поэта. Например, представление о языковой среде, воздействовавшей в разное время на индивидуальный словарь Есенина и служившей источником его поэтического материала, можно получить по количественному объему типично есенинского сочетания лексики народно-поэтической, диалектной и церковно-славянской среды, а также по тематической классификации его словарного запаса (= по идеографическому словарю). Творческая же биография Есенина может быть раскрыта посредством анализа качественного употребления его словаря» [1. С. 65]. Набор единиц, которые могут быть с его помощью изучены, довольно ограничен. К достоинствам биографического метода Л.П. Крысин относит чистоту эксперимента, которой нет при опросе и интервью; этот метод может использоваться как дополнительный и контрольный [11. С. 83].

Широкое распространение в лингвоперсонологии получил *метод речевого портретирования*, реже называемый *языковым портретированием*.

Истоки речевого портретирования можно найти в речевых портретах персонажей, традиционных для литературоведения. А.А. Пушкин указывает, что они строятся главным образом на материале драматических произведений и «в основном ограничиваются социальной дифференциацией речи, анализом использованных стилистических приемов, апеллированием к различного рода интерпретативным приемам в анализе поступков, состояний персонажей, что ведет в конечном счете к пониманию того, положительен персонаж или отрицателен, богат его духовный мир или беден и т.п.» [25. С. 48–49]. Типичные образцы портретов такого рода представлены, например, в статье Н.С. Авиловой [26]. Автор приходит к выводу, что речевая характеристика персонажей в пьесе Л.Н. Толстого «Плоды просвещения» «разнообразна и прямо отвечает цели типизации. В противопоставлении «мужиков» «господам» выявляются характерные приметы каждой из этих групп, но вместе с тем отгадываются индивидуальные черты каждого из действующих лиц» [26. С. 19].

Перенесение принципов литературного речевого портрета в лингвистическую сферу породило множество вариантов портретирования ЯЛ.

Большинство фрагментарных портретов имеет *социолингвистическую* направленность. Центральное место в них обычно занимает поярусное описание языковой системы информанта, встречаются наблюдения над речевым поведением; как правило, приводятся биографические сведения о ЯЛ, иногда в портрете представлен образец текста. Характеристика индивидуальных особенностей в речи субъекта сочетается с выделением черт, типичных для той или иной социальной группы, причем акцент делается именно на последних. Этот вид портретирования подразумевает «выявление специфичных черт говорящего на фоне социолингвистических переменных» [27. С. 101].

К социолингвистическим можно отнести в первую очередь наиболее многочисленные на сегодняшний день портреты ЯЛ русского зарубежья – эмигрантов первой волны и их потомков в Америке и Западной Европе, выполненные московскими учеными С.Е. Никитиной, Е.А. Земской, Р.Ф. Касаткиной, Л.Л. Касаткиным и др. (см., например, 25 речевых портретов в [28]). Среди индивидуальных портретов, репрезентирующих другие социолингвистические типы, назовём портреты носителей диалекта [29], городского просторечия [30. С. 497–515], старшекласников [15. С. 207–219]. Для обозначения этой разновидности описания ЯЛ в лингвистике закрепляются близкие по форме и семантике термины «социолингвистический портрет» (Т.М. Николаева), «социально-речевой портрет» (Л.П. Крысин, Е.А. Оглезнева). В результате такого описания «...мы получаем речевой портрет отдельного человека, отражающий как его общие черты, присущие ему как представителю разных множеств и подмножеств... так и его индивидуальные черты, присущие ему как личности» [28. С. 28].

Портретирование представителей восточной ветви русской эмиграции в Харбине, представленное в работах благовещенских лингвистов Г.М. Старыгиной, Е.А. Оглезневой, Я.С. Поляковой и др., определяется Е.А. Оглезневой как «лингво-историческое» [31. С. 47]. Образцы таких портретов даны, в частности, в сборнике «Русский Харбин, запечатленный в слове» (Благове-

щенск, 2006. Вып. 1). В общих чертах этот тип портрета близок к социолингвистическому, отличаясь от него описанием языковых личностей на широком культурно-историческом фоне (Харбин как центр русской культуры в Китае).

Суженным вариантом социолингвистического или «лингво-исторического» портрета является *уровневый*, отражающий только один из ярусов языковой системы индивида. Данная разновидность описания ЯЛ восходит к серии фонетических портретов политиков, ученых и деятелей культуры в монографии М.В. Панова «История русского литературного произношения XVIII–XX вв.» [12]. Другие работы этого плана также в основном сосредоточены на фонетических характеристиках речи индивида [32, 33 и др.]. Реже встречается лексическое [34], грамматическое [35], орфографическое портретирование [16. С. 49–51]. Осознавая неполноту представления ЯЛ через отдельный уровень языка, авторы нередко определяют жанр описания как «штрихи к речевому портрету» или «фрагменты портрета».

Наряду с индивидуальными, создаются обобщенные социолингвистические портреты современного человека (Т.Г. Винокур), современного русского интеллигента (Л.П. Крысин), современного студента (С.В. Леорда), бизнесмена (Т.А. Милёхина), немецкого солдата (А.С. Гафарова), школьника младшего подросткового возраста (С.В. Мамаева) и т.д.

Еще одну разновидность речевого портрета можно обозначить вслед за О.С. Иссерс как *коммуникативный портрет*. В этом случае в центр анализа выдвигаются индивидуальные характеристики речевого поведения. Т.И. Ерофеевой [8] описан круг социальных ролей, исполняемых в течение дня студенткой; О.С. Иссерс [36] проанализированы тип самоподачи индивида в речи (прямая/косвенная речь, игра на повышение/понижение), уровень тактичности, уровень контроля за эффективностью общения, степень внимания к языковой форме в письмах С. Довлатова; речевые стратегии и тактики В. Путина и Д. Рогозина охарактеризованы О.Н. Паршиной [37]. Близки к этой разновидности портреты Г. Явлинского, А. Лебеда, В. Жириновского, где описание речевого поведения субъекта сочетается с оценкой его языковых компетенций [30. С. 150–196]. О.Н. Паршина определяет этот тип портрета как *риторический*.

В методике портретирования, разработанной К.Ф. Седовым, устанавливается связь между особенностями речи индивида (в первую очередь риторическими компетенциями) и глубинными причинами, определяющими своеобразие этих особенностей. Такой тип портрета можно назвать *генезисным*. Тип речевой культуры, состав форм речи, которые освоены ЯЛ, набор речевых жанров, стратегий и тактик внутржанрового речевого поведения, владение нормами литературного языка и случаи отклонений от этих норм, проявление профессиональных навыков, специфика цитатного фонда соотносятся исследователем с характером отношений в семье (обуславливающим отношение личности к себе, людям вообще, родственникам, коллегам, труду) в период формирования ЯЛ, типом речевой среды и субкультурой среды, отчасти – с психологическими чертами личности (тип темперамента, доминантность / недоминантность, мобильность/ригидность, экстраверсия / интроверсия, доминирование левого или правого полушария). Образцом при-

менения этой методики на практике являются три созданных автором портрета женщин-филологов, рядовых носителей русского литературного языка [16. С. 149–204].

Имеющиеся портреты различаются степенью детализации – от лаконичных комментариев к тексту (см., например, хрестоматию М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой «Русский речевой портрет». М., 1995) до достаточно развернутого описания («Опыт описания языковой личности А.А. Реформатского» [5. С. 149–212]) и кругом охватываемых характеристик.

Самым распространенным является тип *фрагментарного речевого портрета*, предполагающий выборочную характеристику наиболее ярких особенностей речи исследуемой ЯЛ. Обосновывая такой подход к исследованию объекта, Т.М. Николаева пишет: «...нужно ли представлять эксплицитно все уровни и все факты языковой системы? По нашему мнению, нет. <...> многие языковые парадигмы, начиная с фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам и поэтому интереса не представляют. Напротив, важно фиксировать ярко диагностирующие речевые пятна» [38. С. 73]. Эта установка вызвана, с одной стороны, ограниченностью материала, не дающей возможности показать ЯЛ во всем многообразии, с другой – вероятно, идущим от теории Ю.Н. Караулова мнением о слабой индивидуализации многих языковых ярусов.

В проекте исследования феномена конкретной ЯЛ, предпринятом исследователями Томской лингвистической школы, разрабатывается тип *недифференциального комплексного речевого портрета*, включающий системное описание всех отмеченных в дискурсе информанта особенностей идиолекта – фонетических, грамматических, лексических, синтаксических, текстовых – в сочетании с изучением языкового сознания говорящего и его концептосферы. Данный вариант портрета имеет точки пересечения с социолингвистическим портретированием, поскольку он тоже предполагает уровневое описание личности, типичной для определенной социальной страты. Вместе с тем статика социолингвистического портрета уравнивается в нем динамическим началом, вниманием к функционированию языковых единиц и языковому сознанию личности; опора на обширный материал и долговременное наблюдение позволяют нарисовать уже не эскиз, а именно детальный портрет. Однако главное отличие разрабатываемой томичами методологии от всех названных ранее заключается в том, что описание ЯЛ носит принципиально недифференциальный характер. Оно предполагает как можно более полную характеристику и всех элементов языковой системы индивида (в том числе тех, которые считаются слабо индивидуализированными), и всех фактов его речи: общерусских и собственно диалектных, нейтральных и экспрессивных, высокочастотных и редко встречающихся и т.д. Думается, что распространение этого метода на описание других ЯЛ позволит сделать обоснованные выводы относительно разграничения общеязыковых явлений, присущих всем носителям языка, различных социолингвистических и лингвокультурных составляющих идиолекта (специфика русской ЯЛ, ЯЛ диалектоносителей и носителей литературного языка, представителей разного уровня речевой культуры, образования, возраста и т.д.) и, наконец, собст-

венно индивидуального начала – неповторимых языковых особенностей данной личности. Основы метода недифференциального комплексного речевого портрета заложены в монографии «Феномен диалектной языковой личности» Е.В. Иванцовой (Томск, 2002) и развиваются в работах томских лингвистов Л.Г. Гынгазовой, Т.Ф. Волковой, О.А. Казаковой и начинающих исследователей при портретировании ЯЛ диалектоносительницы В.П. Вершининой.

Как можно видеть, метод речевого портретирования отличается широкой вариативностью. Проблема выделения круга параметров портретирования не имеет единого решения: оно зависит от целей, которые ставит перед собой лингвист. В связи с их многообразием лингвоперсонологическое портретирование в отвлечении от его частных разновидностей может быть определено как планомерное описание особенностей ЯЛ в соответствии с поставленными исследователем задачами. Речевой (языковой) портрет – результат такого описания.

Таким образом, в работах лингвоперсонологического направления складываются два основных методологических подхода к исследованию ЯЛ. Методики реконструкции ЯЛ (метод структурного моделирования, лингвориторической реконструкции, биографический метод) предполагают воссоздание компонентов ее облика, сведений о которых нет у исследователя (будь то данные внеязыкового порядка или глубинные характеристики тезауруса и прагматикона), тогда как речевое портретирование опирается прежде всего на факты, доступные непосредственному наблюдению. Реконструируются обычно ЯЛ прошлого или «обобщенная ЯЛ», речевой портрет характеризует, как правило, наших современников. В первом случае лингвисты опираются только на письменные тексты, в том числе дискурс литературных персонажей; во втором материалом служат все формы речи, хотя чаще рассматривается ее устная разновидность.

Вместе с тем в исследовательской практике наблюдается синтез обозначенных подходов. В некоторых работах соединяются элементы различных вариантов портретирования. В частности, разрабатываемый М.В. Ляпон [39 и др.] психологический портрет М. Цветаевой, отражающий систему предпочтений ЯЛ и ее языковую рефлексию, объединяет черты коммуникативного и генезисного. В других случаях один из описанных выше вариантов портретирования ЯЛ сочетается с иными ракурсами ее характеристики. Так, М.А. Канчер считает, что «создание языкового портрета личности с установкой на поиск однотипных, повторяющихся фактов уровневого, суперсегментного и деятельностного характера предполагает изучение совокупности текстов (дискурса) данной личности в трех аспектах: стилистическом, коммуникативно-прагматическом и лингвокультурологическом» [40. С. 314]. Стилистический анализ подразумевает выявление предпочтений личности в составе языковых средств (слов и фразеологизмов, поговорок, интонаций...), способов и приемов их употребления; коммуникативно-прагматический – исследование коммуникативных стратегий и тактик говорящего, культурологический – обнаружение национальных элементов в речевом поведении. Образец такого портретирования представлен автором в сопоставительном описании ведущих игровых телевизионных программ В. Пельша, Л. Якубо-

вича, М. Киселевой, А. Цекало. Наконец, реконструкция уровневой структуры ЯЛ начинает использоваться в речевых портретах современных ЯЛ, в том числе владеющих только устной формой речи: О.Н. Шевченко [41] на вербально-семантическом, лингвокогнитивном и мотивационном уровнях рассмотрена личность переводчика Б.В. Заходера; О.А. Казаковой [42] эти уровни воссозданы при жанровой квалификации диалектной ЯЛ.

В лингвоперсонологии формируются также несколько особняком стоящие методы, которые синтезируют приемы сбора фактических данных и их первичного анализа. К ним относятся метод оценщиков и метод самонаблюдения.

Истоки *метода оценщиков* можно найти в работах Г.И. Богина. Модель речевой способности человека выстраивается им с опорой на характеристики определенной группы индивидов, выступающих в качестве экспертов. «Речевая способность человека, – пишет Г.И. Богин, – не только реализуется среди людей и для людей, но и постоянно оценивается наблюдающими ее людьми. Речь одного индивида релевантна для другого индивида, и соответственно каждый другой индивид выступает в функции «оценщика», то есть говорит, думает или чувствует, что в чьей-то речевой деятельности что-то хорошо и что-то плохо. Поскольку оценщиками такого рода являются все вообще люди, то создается своеобразное положение: «оценщик» совокупно выступает и как субъект оценок и как объект, то есть как наблюдатель и как наблюдаемый. Исследователь этих оценок выступает как наблюдатель наблюдателя. Такой подход необходим потому, что речевую способность затруднительно наблюдать непосредственно» [43. С. 66].

Одной из первых применила метод оценщиков Г.Н. Беспмятнова [44], перенеся его с оценки речевой способности индивида на оценку широкого круга качеств ЯЛ телеведущих. 120 испытуемых (студентов) просматривали видеозаписи информационных программ четырех телевизионных ведущих и оценивали каждую ЯЛ по 153 параметрам, выделенным исследователем. Среди невербальных качеств подвергались оценке внешние (внешность, телегеничность, поведение перед камерой, вкус в одежде...) и паралингвистические (характеристики голоса, дыхания, темп и ритм, паузация, отчетливость речи, мимика, жесты, тональность общения...), в числе вербальных – факторы содержательности речевого сообщения (тема, диапазон познавательной ценности...), текстоформирующие факторы (доказательность, акцентирование смысла, компактность...), особенности индивидуального словаря (объем лексикона, стилистическая доминанта, соблюдение норм), модально-апеллятивные факторы (экспрессивность речи, подтекст, стратегия изложения фактов, манера подачи отрицательных фактов...). Обобщив собранную таким методом информацию, Г.Н. Беспмятнова установила, что невербальные качества телекомментатора с позиций участников эксперимента в большей степени, чем вербальные, отражают индивидуальные особенности ЯЛ; среди вербальных наиболее значимыми оказались модально-апеллятивные характеристики. В перспективе возможно распространение этого метода на исследование дискурса самых разных типов носителей языка, в том числе рядовых говорящих. Разновидность данного метода – метод

семантического дифференциала – применяется при атрибуции художественных текстов.

Привлечение к процедуре исследования ЯЛ группы экспертов повышает объективность такого анализа; в то же время интерпретация «двойных оценок», о которых пишет Г.И. Богин, создает дополнительные сложности.

Возможность использования *метода самонаблюдения* при анализе языкового развития личности впервые отметил В.П. Тимофеев [1. С. 35–38, 43]. Им приводятся примеры такого рода из научных трудов проф. Е.Д. Поливанова и собственной речевой практики, касающиеся усвоения говорящим новых грамматических форм и лексических единиц, а также осмысления языкового влияния со стороны других индивидов. А.И. Злобина [1982] посредством самонаблюдения выявила известные носителю литературного языка диалектизмы (с пометой «пермское»), разграничив элементы активного и пассивного словарного запаса. Самонаблюдение позволяет получить уникальную информацию, недоступную из других видов источников. В то же время оно применимо при исследовании достаточно узкого круга вопросов, а опора только на собственное языковое сознание дает более субъективные сведения, чем метод оценщиков. Этот метод встречается на практике редко.

Итак, в лингвоперсонологии складываются методологические установки, связанные с выбором объекта исследования, методами сбора материала и его анализа. Опираясь на традиционные методы лингвистики, теория ЯЛ вырабатывает и свою собственную методологию. Наиболее перспективным для создания эмпирической базы исследования современной ЯЛ представляется метод включения в языковое существование говорящего. В качестве ведущих подходов к анализу объекта выдвигаются метод реконструкции ЯЛ и метод речевого портретирования, существующие в ряде вариантов и в некоторых работах синтезирующиеся. Принципы изучения носителя языка находятся в стадии формирования, и их выработка будет способствовать появлению высокоинформативных аналитических работ о «человеке говорящем» во всем многообразии его реальных проявлений.

Литература

1. Тимофеев В.П. Личность и языковая среда. Шадринск, 1971. 122 с.
2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. М.: Прогресс: Универс, 1993. 655 с.
3. Сиротичина О.Б. Человек и его язык // Вопросы стилистики. Саратов, 1996. Вып. 26: Язык и человек. С. 3–7.
4. Гумбольдт В. Язык и философия духа. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
5. Язык и личность. М.: Наука, 1989. 212 с.
6. Сибата Такэси. Исследования языкового существования в течение 24 часов // Языкознание в Японии. М., 1983. С. 134–141.
7. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1999. 135 с.
8. Ерофеева Т.И. «Речевой портрет» говорящего // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990. С. 90–103.
9. Коготкова Т.С. Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектоносителя (по материалам современных областных словарей) // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 285–301.
10. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // Литературный язык и культурная традиция. М., 1994. С. 262–282.

11. Крысин Л.П. К социологическому изучению современного русского литературного языка // Очерки по социолингвистике. Шадринск, 1971. С. 64–86.
12. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М.: Наука, 1990. 453 с.
13. Моделирование в биологии и медицине. Киев, 1968. Вып. 3.
14. Караулов Ю.Н., Коробова М.М. Индивидуальный ассоциативный словарь // Вопросы языкознания. 1993. № 5. С. 5–15.
15. Аниськина Н.В. Языковая личность современного старшеклассника: Дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2001. 288 с.
16. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул; Кемерово, 2006. 435 с.
17. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Сов. энцикл., 1969.
18. Байтов В.И., Сорокин Ю.А. Опыт построения методики для установления авторства текстов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. Т. 36. 1977. № 4. С. 345–347.
19. Синелева А.В. Выявление информативных параметров при описании индивидуально-авторских стилей и атрибуции художественных текстов // Вестн. Нижегород. ун-та. Сер. Филология. 2003. Вып. 1 (4). С. 143–146.
20. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
21. Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. СПб: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та, 2000. 283 с.
22. Кузнецов З.А. Языковая личность в литературно-художественном дискурсе Эрнеста Хемингуэя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1999. 22 с.
23. Работ Б.С. Гносеологические проблемы социального эксперимента // Социальные исследования. Вып. 5: Теория и методы. М., 1970. С. 104–137.
24. Дружинина В.В., Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А.Ф. Лосев). Сочи: РИО СГУ ТиКД, 2005. 152 с.
25. Пушкин А.А. Прагмалингвистические характеристики дискурса личности // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 45–54.
26. Авилова Н.С. Речевые портреты в пьесе Л.Н. Толстого «Плоды просвещения» // Русская речь. 2000. № 3. С. 14–19.
27. Оглезнева Е.А. Речевой портрет эмигранта: на материале речи представительницы русской диаспоры в Харбине В.П. Хан // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2005. Вып. 3. С. 101–107.
28. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Отв. ред. Е.А. Земская. Москва; Вена: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.
29. Оглезнева Е.А. Социально-речевой портрет современного диалектоносителя (на материале речи М.В. Хлыстова, хлыстова с. Черновка Свободненского района Амурской области) // Народное слово Приамурья. Благовещенск, 2004. С. 85–95.
30. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. 528 с.
31. Оглезнева Е.А. Русский язык зарубежья: восточная ветвь // Изв. АН. Сер. лит. и языка. 2004. Т. 63, № 2. С. 42–52.
32. Борзунова С.Н. Фрагмент орфоэпического портрета Ивана Михайловича Москвина // Русское сценическое произношение. М., 1986. С. 131–143.
33. Слесарева Г.П. Звуковой портрет Агафьи Лыковой // Материалы Междунар. съезда русистов в Красноярске, 1–4 октября 1997 г. Красноярск, 1997. Т. 1. С. 173–174.
34. Килунина И.М., Соловьева О.Е. Речевой портрет семьи Килуниных: лексический срез // Проблемы лингвистического краеведения. Пермь, 2002. С. 128–132.
35. Голубева И.В. Штрихи к речевому портрету Н. Берберовой (на материале синтаксиса автобиографии «Курсив мой») // Речь. Речевая деятельность. Текст. Таганрог, 2000. С. 27–31.
36. Иссерс О.С. Коммуникативный портрет языковой личности (на примере писем Сергея Довлатова) // Русистика сегодня. 2000. № 1–4. С. 63–75.
37. Паришина О.Н. Риторический портрет современного российского политика // Записки Горного института. Т. 160 (I). СПб., 2005. С. 59–60.
38. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. Ч. 2. С. 69–74.

39. *Ляпон М.В.* Языковая личность: поиск доминанты // *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность.* М., 1995. С. 260–276.

40. *Канчер М.А.* О трех аспектах описания языковой личности // *Культурно-речевая ситуация в современной России.* Екатеринбург, 2000. С. 311–318.

41. *Шевченко О.Н.* Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 22 с.

42. *Казакова О.А.* Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 23 с.

43. *Богин Г.И.* Уровни и компоненты речевой способности человека: Учеб. пособие. Калинин, 1975. 106 с.

44. *Беспамятнова Г.Н.* Языковая личность телевизионного ведущего: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1994. 19 с.

45. *Злобина А.И.* О диалектизмах в литературной разговорной речи (по материалам, полученным методом самонаблюдения) // *Живое слово в русской речи Прикамья.* Пермь, 1982. С. 80–86.